

Волков Валерий Вячеславович, Волкова Наталья Васильевна

РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА "АРХИЕРЕЙ" В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТАНАТОЛОГИИ

В данной статье болезнь и смерть главного героя рассказа А. П. Чехова "Архиерей" рассматриваются с позиций различных гуманитарных дисциплин: медицины, социологии, философии, литературоведения. Авторы интерпретируют поведение архиерея во время болезни как проявление бессознательной суицидальной устремленности, отмечают параллели в судьбах автора и главного героя рассказа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-2/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. II. С. 51-54. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

17. **Macmillan English Dictionary for Advanced Learners**. 2nd edition. London: Macmillan Publishers Limited, 2007. 1748 p.
18. **Merriam-Webster Dictionary** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 18.06.2014).
19. **Merriam-Webster Learner's Dictionary** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.learnersdictionary.com> (дата обращения: 18.06.2014).

ETHNOCULTURAL SPECIFICITY OF REPRESENTATION OF CONCEPT "SAFETY" IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LINGUISTIC WORLDVIEWS

Vardanyan Lyudmila Valer'evna, Ph. D. in Philology
Shchukina Ekaterina Sergeevna

Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseev
ljudmila_v@mail.ru; shchukina.ekaterinka@mail.ru

The article, on the basis of a comparative analysis of the content of the concept SAFETY, reveals the ethnocultural specificity of its representation in the Russian and English linguistic worldviews. Together with the similarity some asymmetry of representation of lexical units and their meanings in the comparable languages is ascertained. The presence of general and particular features in expression of ideas of safety by the representatives of two different ethnic cultures is determined.

Key words and phrases: linguistic worldview; concept; concept SAFETY; verbalization of concept; meaning; ethnocultural specificity.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В данной статье болезнь и смерть главного героя рассказа А. П. Чехова «Архиерей» рассматриваются с позиций различных гуманитарных дисциплин: медицины, социологии, философии, литературоведения. Авторы интерпретируют поведение архиерея во время болезни как проявление бессознательной суицидальной устремленности, отмечают параллели в судьбах автора и главного героя рассказа.

Ключевые слова и фразы: литературная танатология; Чехов; архиерей; внутренняя картина болезни; философия смерти.

Волков Валерий Вячеславович, д. филол. н., профессор

Волкова Наталья Васильевна, к. филол. н., доцент

Тверской государственный университет

Volk7Valery@yandex.ru; volknat@mail.ru

РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «АРХИЕРЕЙ» В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТАНАТОЛОГИИ©

С историко-литературной точки зрения, рассказ «Архиерей», над которым, по словам А. П. Чехова, он работал «лет 15», «является своеобразным завершением многих тем и мотивов предшествующего творчества» [7, с. 454]. И в творческой биографии Чехова «Архиерей» – одно из финальных, итоговых произведений, тоже «своеобразное завершение» художественного пути: непосредственное начало работы над текстом – 1899 год, когда, как Чехов писал позже, он «собирался умирать» (к О. Л. Книппер, 9 января 1903 г.) [Там же, с. 458], первая публикация – в 1902 году, незадолго до смерти. И в «человеческом», экзистенциальном измерении «Архиерей» – исповедальное произведение: внутреннее состояние «преосвященного Петра», связанное с движением от болезни к смерти, явно перекликается с состоянием писателя – физическим и душевным.

Инициального, открывающего рассказ портрета архиерея нет, и это едва ли случайно. В первых же строках – характеристика физического состояния, явно нездорового, то ли от простой усталости, то ли от какой-то болезни: «Преосвященный Петр устал. Дыхание у него было тяжелое, частое, сухое, плечи болели от усталости, ноги дрожали» [24, с. 186]. Естественно думать, что речь идет о сановитом пожилom человеке (о болезни читатель еще не знает – о ней позже, через несколько страниц). Но если подсчитать, опираясь на имеющиеся в рассказе биографические данные, то выясняется, что архиерею всего... сорок один год. Как и Чехову.

«Возраст героя, – пишет А. С. Собенников, – легко вычислить: ему было тридцать два года, когда он уехал за границу, плюс восемь лет там, плюс один год, который прошел после возвращения (с матерью он не виделся 9 лет)» [20, с. 62]. Выходит, что архиерей – ровесник Чехова; когда он заканчивал «Архиерея», ему тоже было 41 (рассказ написан в 1901 году). «Возможно, это случайное совпадение, может быть, и нет. Не ставил ли Чехов знак, метку: герой равен автору?» [Там же, с. 63]. Несомненно, ставил – в плане родства внутреннего состояния, и не только физического.

Существо этого внутреннего состояния – предчувствие смерти, неосознаваемое желание смерти и приутоление к ней. Тем самым, рассказ «Архиерей» оказывается в ряду *литературной танатологии*, что требует специфических подходов к исследованию его содержательности.

Многоплановость чеховского рассказа как *повествования о предсмертном состоянии* обуславливает возможность рассматривать его в разных танатологических контекстах, в соответствии с разнообразными аспектами танатологии как научной и практической дисциплины.

Изначально *танатология* (из гр. *thanatos* – ‘смерть’ + *...логия*) – это раздел теоретической и практической *медицины*, «учение о закономерностях умирания и обусловленных ими изменениях в органах и тканях. Изучает динамику и механизмы умирания, непосредственные причины смерти, клинические, биохимические и морфологические проявления постепенного прекращения жизнедеятельности организма» [16, с. 563]. В психологии и психиатрии различают пять основных стадий отношения к смертельной болезни: отрицание, гнев, попытку торговаться, депрессию, принятие [18, с. 660], – и все эти стадии легко проследить на примере чеховского героя.

Для чеховского героя (как и для самого Чехова) особенно значим *психосоматический* аспект. Взаимосвязь между восприятием себя как здорового или больного соотносится с так называемой «психосоматической проблемой» – проблемой соотношения психики и тела. У нее множество обликов – медицинское и психологическое, психотерапевтическое, философское и филологическое, в том числе лингвокультурологическое [3].

Здоровье вполне осознается лишь на фоне своего оппозита (как говорят, о здоровье задумываешься, когда его теряешь). Отсюда и словарные определения *здоровья* через *болезнь*, через «отсутствие беспорядка», ср. классическое толкование «...состояние животного тела (или растения), когда все жизненные отправления идут в полном порядке; отсутствие недуга, болезни» [8, т. 1, с. 675].

Выдающийся отечественный ученый-медик Р. А. Лурия (1874-1944) в основополагающей работе по медицинской психологии «Внутренняя картина болезни и иатрогенные заболевания» (1935) ввел понятие «внутренняя картина болезни» (как больной представляет и переживает свою болезнь, как оценивает ее симптомы и перспективы излечения) [14], которое вплоть до настоящего времени составляет фундамент психосемиотических представлений о болезни (см., например: [15; 17; 23]). Медики обычно трактуют внутреннюю картину болезни как «продукт сознания, отражающий болезнь в психике субъекта» [19], то есть как явление, *вторичное* по отношению к болезни. Однако существует и активно используется (особенно в психотерапевтической практике) прямо противоположный подход к болезни – как к явлению, *производному* от направленности сознания, от «внутренней картины» конкретного недуга или от общей психоэмоциональной и лингвокогнитивной *установки человека «на болезнь»*.

Болезнь, как показывают данные медицинских и психологических исследований, – это субъективная реальность и феномен культуры, а не только «организменное событие». У чеховского преосвященного эта субъективная реальность, несомненно, первична. Очевидно, что он, как образованный человек, едва ли мог не распознать в себе серьезную болезнь. Почему же позвал врача только накануне смерти? Отчетливо понял, что заболел в ночь с субботы на воскресенье «под вербное воскресенье», то есть за неделю до смерти. И ничего не предпринял, хотя ранее (в 32 года) прислушался к врачам и даже надолго уехал за границу.

Как соотносятся его экзистенциальный кризис и болезнь? Вероятнее всего, болезнь неосознанно воспринимается преосвященным как своеобразное «лекарство» от кризиса.

В *социологии* танатология трактуется как «учение о смерти, ее причинах, механизмах, признаках, проблемах облегчения предсмертных страданий больных» [21, с. 355], – и можно с уверенностью утверждать, что преосвященный Чехова страдает «синдромом достижения»: «Он думал о том, что вот он достиг всего, что было доступно человеку в его положении, он веровал, но всё же не всё было ясно, чего-то еще недоставало, не хотелось умирать; и всё еще казалось, что нет у него чего-то самого важного, о чем смутно мечтаешь когда-то, и в настоящем волнует всё та же надежда на будущее, какая была и в детстве, и в академии, и за границей» [24, с. 195]. Он понимает, что достиг своего пика церковной карьеры, дальнейшего восхождения не будет, а значит – жизнь в каком-то смысле завершена.

В *философской* танатологии отмечают парадоксальность ее объекта: смерть – это «квазиобъектный фантом, существенный в бытии, но бытийной сущностью не обладающий», а, следовательно, «танатология – это наука без объекта и без специального языка описания; ее терминологический антураж лишен направленной спецификации: слово о смерти есть слово о жизни, выводы строятся вне первоначального логического топоса проблемы, – в плане виталистского умозаключения, в контексте неизбываемой жизненности» [10, с. 106]. Эта философская трактовка – своеобразный ключ к специфике темы смерти в рассказе «Архиерей», пафос которого – в поиске личностной самоидентификации через переживание «бытия к смерти», в условиях экзистенциального кризиса, когда социальная самоидентификация бессознательно воспринимается как исчерпанная.

Солидный пост викарного архиерея (то есть епископа одного из городов епархии и помощника епархиального архиерея [7, с. 461]) тесен и томит, как старая одежда, становится фактором *отчуждения от собственной сущности*: «Он думал о том, что вот он достиг всего, что было доступно человеку в его положении, он веровал, но всё же не всё было ясно, чего-то еще недоставало» [24, с. 195]; «– Какой я архиерей? – продолжал тихо преосвященный. – Мне бы быть деревенским священником, дьячком... или простым монахом... Меня давит всё это... давит...» [Там же, с. 199]. За архиерейским статусом преосвященный перестает видеть себя самого. Точно в унисон с чеховским (по воспоминаниям И. А. Бунина): «Последнее время часто мечтал вслух: – Стать бы бродягой, странником, ходить по святым местам, поселиться в монастыре среди леса, у озера, сидеть летним вечером на лавочке возле монастырских ворот...» [2, с. 187]. И самого автора, и его героя томит ощущение, что «я» разрушается, поскольку оно развеяно, рассеяно в социальном пространстве, и вернуться к своему внутреннему человеку можно лишь через жертву окружением, через отчуждение от окружения.

Литературоведческая танатология, как самостоятельное направление ведущая отсчет с начала XXI века [12], основывается на достижениях медицинской, социальной и философской танатологии, сосредотачивает внимание

на проблемах эстетического освоения феномена смерти в художественной литературе, на соотношении макроконцептов «Религия» и «Смерть» [4] и, на итоговом уровне обобщения, на художественной философии смерти.

По В. И. Далю (а следовательно, и по обиходным представлениям традиционной русской культуры), *смерть* – не просто «прекращение жизни», что полагается в основу ее определения даже в самой современной философской энциклопедии [6, с. 571], но для человека – «конец плотской жизни, воскресенье, переход к вечной, к духовной жизни. *Человек рождается на смерть, а умирает на живот, на жизнь*» [8, т. 4, с. 233]. Неосознанное предощущение новой жизни оказывается для преосвященного источником *отчуждения от окружения*, неспособности к диалогу (ср.: [22]), даже с самыми близкими – матерью и племянницей: «И несмотря на ласковость, с какою она [мать] говорила это, было заметно, что она стеснялась, как будто не знала, говорить ли ему ты или вы, смеяться или нет, и как будто чувствовала себя больше дьяконицей, чем матерью. А Катя не мигая глядела на своего дядю, преосвященного, как бы желая разгадать, что это за человек. <...> Он смотрел на мать и не понимал, откуда у нее это почтительное, робкое выражение лица и голоса, зачем оно, и не узнавал ее. Стало грустно, досадно» [24, с. 191-192]. То же у Чехова: «Замечательная есть строка в его записной книжке: – Как я буду лежать в могиле один, так, в сущности, я и живу один» [2, с. 194].

Центральный мотив рассказа в общем виде целесообразно интерпретировать словосочетанием *воля к смерти*, – воля, которая первоначально связана с ослаблением *воли к жизни*, с отказом от *воли к телу*, к его сохранению, фактически – с бессознательными квазисуицидальными устремленностями как главного героя, так и автора этого произведения. Однако эти устремленности следует осмыслять не в контексте психоаналитическом или тем более психиатрическом, но в контексте святоотеческом. Воля к смерти – отличительная черта святости как преодоления телесности. Именно такая воля к смерти ярко выражена в аскетическом поведении и молитвенных подвигах святых [11, с. 263].

«Философия смерти в России – это философия «ответственного поступания» (М. Бахтин), «трагического историзма» (Г. Флоровский) и личностного самоопределения в мире необратимых действий» [10, с. 106]. «Необратимое действие» преосвященного – это признание необходимости личностного самоопределения перед лицом смерти. Рождающаяся *воля к смерти* для него – это одновременно и *воля к самоидентификации*, ведущая к отвержению привычного комфортного состояния – комфортного в социальном и физическом планах.

Основной вывод, к которому приводит танатологическое исследование чеховского «Архиерея», в том, что смерть в контексте данного произведения как целого – такой этап самоидентификации, который выводит человека за пределы всех возможных земных оппозиций, в том числе за пределы такой фундаментальной оппозиции в сфере Духа, особо значимой для глубоко верующего, как оппозиция Божьей благодати и собственной «моральной силы» [5, с. 51]. В этом особая «радикальность» предсмертной самоидентификации, существо которой удачно охарактеризовал А. В. Демичев: «Смерть, действительно, суть последний и самый радикальный способ самоидентификации. Обращенность к смерти, экзистирование за пределы наличного бытия дает возможность человеку спроектировать свою самость, исключив помехи повседневной размытости. Выдвижение в Ничто помогает сосредоточиться на самом себе, сгруппироваться в своем противостоянии жизненному потоку и одновременно в участии в нем» [9, с. 258]. Поэтому «люди», прихожане, даже мать и привычная служба воспринимаются преосвященным как препятствие на пути к глубинам собственного «я». Этот путь открывается ему одновременно с *волей к смерти*, с бессознательным желанием смерти, поскольку лишь в повседневности ее предчувствия – выход из экзистенциального кризиса.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 3-162.
2. Бунин И. А. О Чехове // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 6. Освобождение Толстого. О Чехове. Воспоминания. Дневники. Статья. С. 146-218.
3. Волков В. В., Волкова Н. В. Концепт «Здоровье»: лингвистические механизмы самовосприятия // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. Тверь, 2008. Вып. 12. № 9 (69). С. 93-98.
4. Волков В. В., Иванова Н. М. Религия как макроконцепт русской культуры: морфо- и лексикостатистика в лингвоконцептологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. Тверь, 2008. № 15. С. 148-157.
5. Воропаева О. В. Номинативная плотность и коммуникативная значимость лингвоконцепта «Дух» в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. 1. С. 50-53.
6. Гайденок П. П. Смерть // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. / научно-ред. совет, предс. В. С. Степин. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 571-573.
7. Громов М. П., Долотова Л. М., Катаев В. Б., Мелкова А. С., Опульская Л. Д., Орнатская Т. И., Ошарова Т. В., Полоцкая Э. А., Чудаков А. П. Примечания // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1977. Т. 10. С. 331-488.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: репринтное издание: в 4-х т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1. 700 с.; Т. 4. 684 с.
9. Демичев А. В. Философские и культурологические основания современной танатологии: дисс. ... д. филос. н. СПб., 1997. 280 с.
10. Исупов К. Г. Русская философская танатология // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 106-114.
11. Климова С. М. «Воля к телу», святость и страстность как смыслообразующие понятия культуры Серебряного века // Философский век: Альманах. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2002. Вып. 22. Науки о человеке в современном мире. Ч. 2. С. 260-268.
12. Красильников Р. Л. О литературоведческой танатологии // Известия Уральского гос. университета. Гуманитарные науки. Филология. 2010. № 2 (76). С. 137-144.
13. Красильников Р. Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа. Вологда: ГУК ИАЦК, 2007. 140 с.

14. Лурия Р. А. Внутренняя картина болезни и иатрогенные заболевания. Изд-е 4-е. М.: Медицина, 1977. 111 с.
15. Николаева В. В. Влияние хронической болезни на психику: Психологическое исследование. М.: Изд-во МГУ, 1987. 167 с.
16. Пермяков Н. К. Танатология // Малая медицинская энциклопедия: в 6-ти т. / гл. ред. В. И. Покровский. М.: Медицина, 1996. Т. 5. 592 с.
17. Психологическая диагностика отношения к болезни: пособие для врачей / авторы-сост. Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев, Э. Б. Карпова, А. Я. Вукс. СПб.: Санкт-Петербургский научно-иссл. психоневрологический ин-т. им. В. М. Бехтерева, 2005. 32 с.
18. Психологический словарь / под общей науч. ред. П. С. Гуревича. М.: Олма Медиа Групп; Олма Пресс Образование, 2007. 800 с.
19. Сирота Н. А., Ярославская М. А. Внутренняя картина болезни в контексте субъективной реальности болеющего индивидуума [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: Электронный научный журнал. 2011. № 2 (7). URL: http://mpj.ru/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer04.php (дата обращения: 29.09.2014).
20. Собенников А. С. Чехов и христианство: учебное пособие. Иркутск: Иркутский гос. университет, 2001. 82 с.
21. Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор Г. В. Осипов. М.: Норма, 2000. 488 с.
22. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
23. Тхостов А. Ш. Болезнь как семиотическая система // Вестник Моск. ун-та. 1993. Сер. 14. Психология. № 1. С. 3-16.
24. Чехов А. П. Архивей // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1977. Т. 10. С. 186-201.

**THE STORY BY A. P. CHEKHOV "THE BISHOP"
IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LITERARY THANATOLOGY**

Volkov Valerii Vyacheslavovich, Doctor in Philology, Professor
Volkova Natal'ya Vasil'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tver State University
Volk7Valery@yandex.ru; volknat@mail.ru

The article considers the illness and death of the main character of the story by A. P. Chekhov "The Bishop" from the viewpoints of various humanities: medicine, sociology, philosophy, literary criticism. The authors examine the behaviour of the bishop during the illness as a manifestation of unconscious suicidal tendency, emphasize the parallels in the destinies of the writer and main character of the story.

Key words and phrases: literary thanatology; Chekhov; bishop; internal picture of illness; philosophy of death.

УДК 81'33

Филологические науки

Актуальной задачей современной ономастики является создание электронных баз данных. В статье раскрываются основные положения проекта Информационной системы «Топонимия России», которая должна стать единой базой данных российских учёных, занимающихся исследованием географических названий. Поднимаются вопросы необходимости и важности создания системы, её структуры, содержания, составных элементов. Подчеркивается, что система должна носить открытый характер и способствовать популяризации научных знаний.

Ключевые слова и фразы: информационные системы в лингвистике; топонимика; топонимическая база данных; топонимия России; популяризация научных знаний.

Гордова Юлиана Юрьевна, к. филол. н.
Институт языкознания РАН
eistr@yandex.ru

ЕДИНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА «ТОПОНИМИЯ РОССИИ»©

Публикация осуществлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта создания и приобретения программного обеспечения для информационных систем в области гуманитарных наук, способствующих распространению гуманитарных знаний в обществе, проект № 14-04-12020 «Единая информационная система «Топонимия России»».

В современном обществе электронные информационные ресурсы являются основными источниками информации. В связи с этим актуальной для всех гуманитарных наук становится задача создания электронных баз данных, которые бы представляли конкретные результаты научных исследований в той или иной области, тем самым способствуя распространению гуманитарных знаний в обществе. Такая задача остро стоит и перед топонимикой, изучающей собственные наименования географических объектов.

Происхождение географических названий вызывает стойкий интерес у всех людей, независимо от возраста, профессии и социального положения. В обществе давно уже существует запрос на получение достоверной и современной информации по топонимике. До сих пор этот запрос в некоторой степени удовлетворяли топонимические словари и научно-популярные издания по этой теме [2; 4]. Однако издавались и издаются